

Глава 677: Без болезни

Город Сюэлао страдал от снежных бурь весь год и был невероятно далек от мира людей, но новости не переставали приходить из него.

Столица демонов была большим городом, который был под таким же наблюдением, как столица и Лоян. Даже если всем семнадцать ее врат были полностью закрыты, все еще оставались бесчисленные методы передать информацию.

Однако, Сюэлао уже был запечатан три дня, но Поп все еще не знал, что произошло внутри.

Было очевидно, что это не было каким-то обычным закрытием города. Должно быть, какое-то очень важное событие происходило в ее стенах.

Событие Мавзолея Книг также произошло только три дня назад.

Чэнь Чаншэн вспомнил те слова, которые его учитель сказал Божественной Императрице. Он сказал, что уже давным-давно сделал приготовления против демонов. Могло ли это быть связано с запечатыванием Города Сюэлао?

Он покачал головой и более не раздумывал над этими вопросами. Как что-либо, произошедшее в Городе Сюэлао, было связано с ним?

Поп изучил его профиль и почувствовал изменение в его эмоциях: «Полезное тело должно быть использовало для многих полезных дел, будь это для обычных людей мира или для успокоения собственного сердца Дао».

Чэнь Чаншэн смотрел на опавшие листья снаружи, немного одеревенело говоря: «Я уже был использован много раз».

Наблюдатели нашли бы эти слова озадачивающими, но Поп понимал их смысл. Жалость и вина появились в его глазах.

«Кроме того, что ты был использован, все еще есть другие, как родственники или друзья».

Он сказал Чэнь Чаншэну: «У тебя фамилия 'Чэнь', ты - член имперского клана, и у тебя все еще есть много живых родственников».

«Боевой Дядя говорит о тех принцах? Они хотят не более, чем моей скоропостижной кончины».

Это было очень точным утверждением. Будь это Принц Сян, чья власть определенно достигнет небес, или Принц Чжуншань, который вскоре возьмет под контроль могущественную Армию Великой Чжоу, и человеком, которого они все боялись, был Чэнь Чаншэн.

Потому что Чэнь Чаншэн тоже был членом Имперского клана, студентом Шан Синчжоу, человеком, известным на весь мир, и что важнее всего, он был будущим Попом.

При сражении за имперский трон или власть он был оппонентом, с которым принцы клана Чэнь меньше всего хотели сталкиваться.

Что касается семейной любви, эти слова были просто шуткой, когда речь шла об Имперском клане Чэнь.

Прошла почти тысяча лет, но никто не забывал о перевороте Сада Сотни Растений.

Все эти принцы были потомками Тайцзуна. Как они могли позволить потомку погибших имперцев получить так много власти?

Поп очень хорошо понимал значение слова Чэнь Чаншэна. «Даже учитывая это, у тебя все еще есть родственники».

‘Родственники’ здесь, естественно, упоминали тех изгнанных имперцев, которые сейчас жили на Континенте Священного Света.

Как тот монах, который появился у ручья возле старого храма Деревни Синин.

С точки зрения крови, те члены Имперского клана, которые преследовались Императором Тайцзуном до другого континента, естественно, были родственниками Чэнь Чаншэна.

Даже была возможность, что его родители все еще жили на той стороне.

Чэнь Чаншэн понимал, что Поп упомянул этих людей, живущих на Континенте Священного Света, не для того, чтобы он сделал что-то, а чтобы убедить его, что все еще была связь между ним и этим миром.

Такая связь могла заставить его почувствовать немного тепла к этому миру и более не быть настолько горько разочарованным. Или, возможно, дать ему несколько причин любить этот мир.

Он был немного растроган этим.

Но он был растроган именно словами Попа, а не их содержимым.

Потому что у него совершенно не было хорошего впечатления об этих ‘родственниках’, живущих на Континенте Священного Света.

«Эти люди - не мои родственники, все они - плохие люди».

Чэнь Чаншэн продолжил: «Когда я все еще был младенцем, нет, когда я все еще мог быть в чреве матери, они совершили со мной много чего».

Что именно совершили? Для того, чтобы Божественная Императрица Тяньхай поверила, что он был Наследным Принцем Чжаомином, когда он все еще был младенцем и все еще был в чреве, люди Континента Священного Света использовали внешнюю силу, чтобы уничтожить его солнечное колесо и повредить его меридианы, а затем наполнили его тело тем, что казалось бесконечном ци жизни, но это в действительности была невероятно опасная энергия Священного Света.

Составляя этот план, ни его учитель, ни его родственники на Континенте Священного Света никогда не подозревали, что Божественная Императрица Тяньхай в конечном счете бросит вызов небесам и изменит для него судьбу.

Это также означало, что в заключении этого плана он бы либо был съеден Божественной Императрицей Тяньхай, либо был бы проигнорирован, умирая.

Это также означало, что с его рождения этому младенцу было предначертано не прожить больше двадцати.

Это было очень жестоким деянием.

Поэтому все они были плохими людьми.

.....

.....

«Я очень хорош в медицине, и я жил очень дисциплинированной жизнью. Я никогда не ел слишком жирную или соленую пищу, и тем более маринованные продукты. Я жил здоровым образом жизни и серьезно культивировал. Я сказал, что прибыл в столицу из Синин для разрыва помолвки, но в действительности это было для исцеления моей болезни, моего спасения, бросания вызова небесам и изменения судьбы. Все это, моя цель в жизни, было ради выживания».

Пока он смотрел на опавшие листья, покачивающиеся на поверхности озера, лицо Чэнь Чаншэна стало весьма мрачным.

«Сейчас моя болезнь вылечена. Я могу продолжать жить. Я смогу прожить больше двадцати лет, двухсот лет, даже одной тысячи лет, но я внезапно обнаружил, что я просто двойник, инструмент, фрукт. Мое существование изначально не имело смысла, так в чем смысл моего существования в будущем?»

Поп хотел что-то сказать, но колебался.

«Боевой Дядя, я знаю, что вы хотите утешить меня, но прямо сейчас у меня ничего нет».

Он сделал паузу на миг, а потом продолжил: «У меня даже нет болезни».

Когда он говорил, его голос ни капли не дрожал. Он казался очень спокойным.

Даже Поп, который испытал так много изменений, кто охватывал все дела мира, почувствовал мучение.

У него ничего не было, даже болезни.

Как много грусти и горя содержалось в этих спокойных словах?

Поп вздохнул.

Он сегодня прибыл в Ортодоксальную Академию именно ради того, чтобы поднять дух Чэнь Чаншэна, по крайней мере найти для него смысл жить. Но Чэнь Чаншэн сказал ему, что у самого его существования не было смысла. Он хотел убедить Чэнь Чаншэна, что у этого мира все еще была доброта к нему, но, по правде говоря, даже до того, как он родился, у этого мира была только злость к нему.

Он мог продолжать убеждать Чэнь Чаншэна несколькими словами, как Юй Жэнь, или Сюй Южун, или Танг Тридцать Шесть.

Но видя такого спокойного и грустного юношу семнадцати лет, он просто не мог сказать что-нибудь еще.

«В действительности, я изначально верил, что не увижу тебя в Ортодоксальной Академии, или увижу, как ты собираешь вещи. Так как ты этого не делаешь, это значит, что ты все еще колеблешься. У этого мира нет доброты к тебе, так что ты должен даже лучше относиться к себе, сделать выбор, который будет лучшим для тебя. Спешить некуда. Я все еще смогу

прожить несколько дней».

Сказав эти прощальные слова, Поп покинул Ортодоксальную Академию.

Чэнь Чаншэн не обернулся. Он все еще смотрел на осенний цвет за окном, но он не осознал, насколько мрачной и брошенной выглядела спина Попа.

Поп покинул Ортодоксальную Академию. Мао Цююй и другие Префекты Ортодоксии ушли вместе с ним, за ними последовало несколько десятков кардиналов и кавалерия Ортодоксии.

Кавалерия и эксперты Имперского Двора более не появлялись. Дворец Ли продемонстрировал свою силу и сделал свою позицию ясной.

Чэнь Чаншэн все еще был следующим Попом.

Ортодоксальная Академия вернула свой мир, ее врата вновь распахнулись, чтобы поприветствовать богатый запах осени.

Некоторые учителя и студенты воспользовались хаосом, чтобы уйти. Их имена были записаны Су Моюй в маленькую записную книжку.

Большинство учителей и студентов не ушло. Они начали уборку, собирая фрагменты камней вокруг библиотеки и готовясь к урокам на завтра.

Чэнь Чаншэн направился в Сад Сотни Растений по соседству.

Лес здесь был намного более пышным и зеленым, чем лес Ортодоксальной Академии. Смешение этих цветов с ароматами осени создавало прекрасное зрелище.

В лесу был каменный стол.

На столе не было чайника или чашек.

Он сел у стола, уставившись в пустоту.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/195103>